

Христианская общественность.

На вопросу о „Союз христианской политики“.

Дорогой Сергѣй Николаевичъ! *)

Пишу Вамъ подъ сѣвѣмъ впечатлѣніемъ только что прочитанной мною въ № 9 „Вопросовъ жизни“ статьи „Неотложная задача“, въ которой Вы предлагаете программу „союза христианской политики“ и подробно выясните ея религиозно-метафизическую, равно какъ и политико-соціальную сущность. Какъ анархистъ-коммунистъ и въ то же время религиозный метафизикъ, я не могу съ Вами не согласиться въ общемъ и цѣломъ, но и въ прошлыхъ Вашихъ писаніяхъ и въ настоящей статьѣ есть черты и умалчиванія, которыя мѣшаютъ мнѣ пока, до выясненія нѣкоторыхъ пунктовъ записаться въ члены рекомендуемаго Вами „союза“.

Къ официальному православію Вы относитесь отрицательно и въ этомъ, конечно, трудно не согласиться съ Вами всякому, кому дороги интересы истинной религіи. Но насколько можно судить по нѣкоторымъ мѣстамъ изъ другихъ Вашихъ статей, Вы не просто считаетесь съ фактомъ существованія духовенства ex officio и призываете его представителей проникнуться Вашей проповѣдью, но и вообще полагаете, что духовенство какъ специальный классъ непременно должно существовать. Но Вы забываете, что существованіе духовенства, какъ специального класса яко бы духовныхъ пастырей, необходимо связано съ извѣстнымъ мертвымъ формализмомъ обрядности, которая не укрѣпляетъ, а убиваетъ религію, и неминуемо влечетъ за собою тотъ клерикализмъ, отъ котораго Вы съ такой энергіей отрешиваетесь. Духовенство дѣлало всегда всегда почти невозможнымъ всякое религиозное единеніе вѣрующаго и торжизмаго геніальныя попытки объединенія всѣхъ христіанъ, сдѣланныя Вл. Соловьевымъ и др. Русская періодическая духовная печать, особенно за старыя годы, даетъ намъ яркіе образцы грубого непониманія или замалчиванія и Вл. Соловьева и др. искренно вѣрующаго. Благодаря своимъ профессиональнымъ порокамъ, духовенство являлось всегда вѣншиимъ пособникомъ узкаго сектантства, такъ какъ не допускало въ религиозной области никакого творчества и для свободнаго религиознаго чувства не знало иной встрѣчи, кромѣ полицейскихъ преслѣдованій. Какъ ни реформируете духовенство какъ сословіе профессиональных вѣрующаго, Вы получите тѣ же результаты, что и отъ реформы корпуса жандармовъ или цензурнаго персонала: ту же грубую силу, только принявшую болѣе культурную форму. При „отдѣленіи церкви отъ государства“ духовенство только лишается опоры официального кулака государства, но профессиональные пороки его и стремленіе — загнать религиозное чувство въ опредѣленные узкія рамки — остаются тѣ же самыя. Нѣтъ большаго противорѣчія христіанству, чѣмъ профессиональное духовенство. Религиозный человекъ можетъ быть только индивидуалистомъ, и всякая извнѣ навязываемая форма и іерархія лишь оскорбляетъ святая святыхъ его души. Единственный выходъ для всякаго священника, если только онъ хочетъ стать христіаниномъ, это — отказъ отъ своего званія, какъ единственный достойный выходъ для всякаго профессора полицейско-жандармскаго права — отказъ отъ своей кафедръ. Согласенъ ли со мною „союзъ христ. полит.“ въ этомъ вопросѣ, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ онъ долженъ подробно выяснитъ свое отношеніе къ церковной обрядности и къ священническому званію, ибо компромиссовъ здѣсь быть не можетъ и для будущихъ членовъ „союза“ важно знать, что онъ объ этомъ думаетъ.

„Союзъ Хр. Пол.“ долженъ также какъ можно яснѣе опредѣлять свое отношеніе къ Л. Н. Толстому. Въ книгѣ Д. С. Мережковскаго о религіи Толстого и Достоевскаго есть много замѣчаний, дополняющихъ и углубляющихъ религію и метафизику вообще, но, какъ вѣрно замѣтилъ Н. А. Бердяевъ въ своей статьѣ „О новомъ религиозномъ сознани“, Мережковскій „совершенно не оцѣнилъ религиознаго значенія толстовскаго отрицанія власти, толстовскаго протеста противъ официальной лжи и подлѣлки“. Насколько я могу судить по вашей статьѣ о Карлейлѣ и Толстомъ и по отдѣльнымъ замѣчаніямъ о Толстомъ разбросаннымъ во всѣхъ вашихъ статьяхъ, я могу васъ упрекнуть въ томъ же, въ чемъ Бердяевъ справедливо упрекаетъ Мережковскаго. Даже болѣе! Ибо Мережковскій писалъ свою книгу въ то время, когда религиозно-анархическая концепція Толстого не нашла себѣ еще вполнѣ

*) Не соглашась во многомъ и существенно съ авторомъ письма, мы въ слѣдующемъ номерѣ дѣлаемъ отвѣтъ на чрезвычайно важные вопросы затронутые въ немъ. Ред.

яснаго выраженія въ его писаніяхъ послѣднихъ лѣтъ, изданныхъ „Свободнымъ словомъ“, вы же пишете о немъ теперь. О Толстомъ вами сказано нѣкоторыя слова такого сорта, которыя изблѣчаютъ васъ или въ незнакомствѣ съ подлиннымъ Толстымъ послѣднихъ лѣтъ, или въ недостаточной внутренней свободѣ вашихъ собственныхъ религиозныхъ воззрѣній. Толстой не стоялъ духовно на одномъ мѣстѣ съ тѣхъ поръ, какъ Мережковскій написалъ о немъ свои два тома. Въ послѣднихъ своихъ произведеніяхъ Толстой заявляетъ себя религиознымъ метафизикомъ (см. „Единое на потребу“, стр. 47), и я не думаю, чтобы даже Мережковскій могъ теперь считать Толстого на половину Антикхристомъ. По вопросамъ „христологии“ Толстой держится прежнихъ своихъ мнѣній, но вѣдь христология (т. е. чисто историческая теорія о личности Христа) не покрываетъ всей религиозно-метафизической сущности христіанства, которое несомнѣнно древнѣе христіанской эры. Для религиозныхъ исканій народныхъ массъ Россіи Толстой и теперь уже колоссально-крупная фигура, а при свободѣ печати можно ожидать, что Толстой, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, займетъ все вниманіе большинства русскаго народа. Л. Н. Толстой уже нѣсколько десятковъ лѣтъ ратуетъ за христіанскую политику, которую рекомендуетъ теперь проектируемый „союзъ“, и Толстому по праву принадлежитъ въ немъ прежде всѣхъ другихъ почетное мѣсто. Необходимо, поэтому, во что бы то ни стало, выразить опредѣленно свое отношеніе къ Толстому: его углубить и дополнить, а прежде всего — правильно понять. Къ игнорированію Толстого всякій относится такъ же враждебно, какъ и къ состоявшемуся отлученію его отъ церкви синодомъ.

Въ заключеніе сдѣлаю еще небольшое замѣчаніе по поводу одного мѣста вашей статьи. Я согласенъ съ вами въ томъ, что идеалъ христіанства есть идеалъ безвластія, анархическаго коммунизма, но когда вы утверждаете, что „этотъ идеалъ, сохраняя значеніе абсолютной нормы, не могъ быть осуществленъ въ жизни благодаря коренной порчѣ человѣческой природы, о которой учитъ насъ христіанство и которая является неоспоримой и опытной истиной“ (стр. 340), то я не могу съ вами согласиться. Прежде всего, идеалъ анархическаго коммунизма не можетъ никоимъ образомъ „сохранять значеніе абсолютной нормы“, ибо абсолютной не можетъ быть вѣншина политико-соціальная форма, которую только и представляетъ собою анархическій коммунизмъ. Анархическій коммунизмъ, какъ соціальная-политическая форма, есть лишь удобное средство для того, чтобы сдѣлать возможнымъ прошептаніе высшихъ, вѣчныхъ философско-религиозныхъ началъ духа. Если соціальная-политическая форма не могла быть осуществлена и не скоро еще осуществится, то это произошло и будетъ происходить не въ силу „коренной порчи человѣческой природы“, а просто въ силу того, что человѣчество еще недостаточно додумалось до наилучшей формы соціально-политическаго устройства. Знаменательно, что въ своемъ утвержденіи, будто христіанство учитъ о коренной порчѣ человѣческой природы, Вы повторяете ту же ошибку, которую по совершенно справедливому мнѣнію Мережковскаго дѣлаетъ Толстой. На мой взглядъ Мережковскій правъ, когда полагаетъ, что христіанство вовсе не есть ученіе о коренномъ злѣ, что добро и зло должны быть признаны по крайней мѣрѣ равносильными стихіями, если даже и не думать, что добро первѣе зла. Въ своей замѣткѣ „Два вида права“ (В. Ж. № 9) я уже указалъ на Гюиса и Зиммеля, которые доказываютъ неоспоримо, и въ исторіи чесскаго опыта и я приговъ, что идея о коренномъ злѣ человѣческой природы совершенно не вѣрна. Эта идея составляла всегда ложную предпосылку для тѣхъ, кто хотѣлъ дать невозможное религиозно-нравственное оправданіе кулачной силѣ государства и капитала. А если это такъ, то нельзя согласиться и съ вашей практической программой, предлагающей пока стать участниками государства и, въ извѣстномъ смыслѣ, и капитала. Члены „союза христ. политики“, на мой взглядъ, не могутъ не стать на точку зрѣнія Толстого и вообще анархистовъ и не отказываться развѣ навсегда отъ участія въ томъ безобразіи, которое называется современнымъ политико-соціальнымъ строемъ, даже въ самомъ прогрессивномъ его видѣ. Въ этомъ они должны быть такъ же послѣдовательны, какъ въ своемъ отказѣ отъ всякаго религиозно-философскаго позитивизма и вулгарнаго атеизма „второй цензуры“ нашихъ дней. Нельзя принимать на себя званія и обязанностей палачей, судей, парламентскихъ представителей и т. п., чтобы въ этомъ званіи отрицать палачество, уголовное рабство, парламентаризмъ и т. п. Поступать такъ значило бы дѣйствовать подобно древне-римскимъ авгурамъ. Я знаю многихъ, кому дороги одновременно интересы религиозной метафизики и анархическаго коммунизма и которые о современной практической политикѣ держатся того взгляда, что „единственно христіанское отношеніе къ ней это индивидуальная или всеобщая стачка. Съ мнѣніемъ этой группы лицъ вамъ необходимо, если не согласитесь, то по крайней мѣрѣ основательно поспорить.“

Отъ всей души привѣтствую то великое религиозно-философское, равно какъ и политическо-соціальное дѣло, которое вы предпринимаете, организуя „союзъ христіанской политики“; глубоко понимаю все его всемірно-историческое значеніе, — я не могу все же съ перахъ же шаговъ вашихъ на этомъ новомъ пути не сдѣлать пришедшихъ здѣсь замѣчаній. Позволю себѣ выразить надежду, что мысли, выраженные мною поспѣшно и недостаточно полно, найдутъ откликъ среди русск. интеллигенціи и поведутъ къ дальнѣйшему ихъ выясненію и развитію.

Преданный вамъ И. Вѣтровъ.

Христiанская общественность.

Индивидуализмъ или соборность?

I.

Напечатанное въ № 4 „Народа“ письмо ко мѣ И. Вѣтрова, вмѣстѣ съ отвѣтомъ на него В. П. Свенцицкаго въ № 5 нашей газеты, ставитъ на очередь цѣлый рядъ важныхъ и принципиальныхъ вопросовъ, касающихся какъ идеи христiанской общественности вообще, такъ и конкретнаго проекта относительно первыхъ шаговъ на пути къ осуществленiю этихъ идей. Стоя въ религиозно догматическихъ вопросахъ на той же точкѣ зрѣнiя, которая выражена въ отвѣтѣ Вал. П. Свенцицкаго, я хочу коснуться тѣхъ же вопросовъ нѣсколько иначе, подойдя къ нимъ не съ догматической, но съ общечеловѣческой стороны.

Личность и общество, человекъ и человечество, — такова вѣчная антитеза, въ которой ищетъ выхода человѣческая исторiя. Чѣмъ больше вырастаетъ человекъ, тѣмъ выше начинаетъ онъ цѣнить свою личность, свое духовное я, тѣмъ большимъ индивидуализмомъ онъ становится во всѣхъ областяхъ духовной жизни. Но, сознавая духовныя богатства своего я, выявляя все новыя потенцiи и безграничныя устремленiя человѣческаго духа, личность неизбежно чувствуетъ себя и *человѣкомъ*, т. е. лишь отдѣльнымъ индивидомъ великаго цѣлага, человѣческаго рода. Все больше и сильнѣе влечется она къ возможно тѣсному союзу, слiянiю съ человечествомъ, къ *соборности*. Нити, связывающiя индивидовъ въ общество, становятся все сложнѣй, тоньше и крѣпче. Индивидъ въ мысляхъ и чувствахъ своихъ не можетъ уже уйти отъ духовной связи съ людьми, соборность онъ носитъ въ глубочайшихъ тайникахъ своей души, тамъ же, гдѣ таится его индивидуальное я. Получаются парадоксальныя явленiя, что проклинаящiй людей и отъединяющiйся отъ нихъ Манфредъ или Чайльдъ-Горольдъ пишетъ для нихъ повѣсть о своихъ страданiяхъ, проповѣдникъ индивидуализма, сверхчеловѣчества и уединенiя пишетъ для нихъ, облекая въ красивую форму, проповѣдь Заратустры. Словомъ, чѣмъ больше пытается человекъ утвердиться на тронѣ своего я, провозгласить себя царемъ, живущимъ въ царственномъ одиночествѣ, не представляемъ вида, но абсолютно индивидуальнымъ, однимъ, единственнымъ, тѣмъ больше онъ чувствуетъ себя связаннымъ съ человечествомъ, по связи съ которымъ только и опредѣляется его я.

Итакъ, индивидуализмъ и соборность суть соотносительныя понятiя, и чувства того и другого порядка неустраиваемы изъ сердца современнаго человека. Однако, они могутъ существовать въ качествѣ взаимно борющихся силъ, въ состоянiи раздора, хаоса, дисгармонiи, и эта дис-

гармонiя испытывается человечествомъ какъ нѣчто недозволенное, ненормальное, противорѣчащее существу человека, какъ страданiя, отъ котораго ищетъ человекъ забавленiе. Въ общенiи человекъ остается тогда одинокимъ, а въ одиночествѣ ищущимъ общенiя. Индивидуализмъ стремится быть побѣжденнымъ соборностью, а соборность развѣдается и разрушается ядомъ индивидуализма. Человѣчество знало эпохи патриархальнаго, спокойнаго быта, когда личность дремала въ объятiяхъ рода, когда индивидуализмъ, болезненное, мучительное, но непобѣдимое и неотвѣтное ощущенiе своего я, его тяжести, его одиночества и въ тоже время жажды соборности, единенiя былъ чуждъ дѣтскому сознанию. Быть отлiваясь тогда въ прочныя, малоподвижныя формы, надъ которыми господствовалъ консервативный преданiя, и эти формы были люлькой, въ которыхъ сладко дремала и грезила человѣческая личность. Было легко, ясно, спокойно, но и примитивно, наивно, сонно. Эти патриархальныя времена отомли въ исторiю навсегда. Личность пробудилась и сознала свое я. Дитя ушло изъ дома, отъ родимой матери, и теперь страдаетъ и страдаетъ въ поискахъ того, что свилось ему въ золотыхъ снахъ дѣтства. Наше время можетъ считаться опорой наиболѣе напряженнаго, мучительнаго, какого-то изступленнаго и непобѣдимнаго индивидуализма. Человѣчество мечется какъ раненый левъ, испускаетъ вопли и стоны устами наиболѣе чуткихъ своихъ представителей: Байронъ и Ницше, Мопассанъ и Чеховъ, Чайковский и Врубель, и т. д. — вотъ голоса страждущаго индивидуализма.

Стремясь освободиться отъ самого себя и залѣчить раны свои, свою энергию и созидательныя силы современный индивидуализмъ устремилъ на созданiе формъ высшаго общенiя людей, основывающагося на заботахъ о высшей техникѣ жизни. Имъ созданы разныя формы экономическаго и политическаго общенiя, — союзы и политическiя партiи. Не удовлетворяясь ихъ естественной и непосредственной задачей практическаго характера, организовать государственное управленiе, экономическiй бытъ, современный человекъ сдѣлалъ попытку, не удастся ли ему въ этихъ единенiяхъ излѣчиться отъ своего уединенiя, преодолѣть внутреннiй, духовный индивидуализмъ высшимъ общенiемъ, утолить жажду соборности партiйностью? Не есть ли высшая организацiя людей въ то же время и внутренняя? Не замѣнить ли политическая партiя — церкви, понимая подъ него вообще духовную соборность, духовную побѣду надъ индивидуализмомъ? Современное человечество сдѣлало этотъ послѣднiй опытъ, поставило эту послѣднюю ставку: оно церковь хочетъ замѣнить политической партiей, а политическую партiю раздвинуть въ церковь. Это не игра словъ и не иронiя, когда говорятъ о социаль-демократической церкви, вызывая такъ социалистическую партiю, ибо она действительно хочетъ, общается и надѣется дать человеку то, что свойственно лишь церкви, — внутреннюю, духовную соборность, побѣду надъ индивидуализмомъ. Мы назвали это послѣдней ставкой потому, что въ области высшихъ попытокъ разрѣшенiя вопроса дальше ничего уже нѣтъ, проигрышъ будетъ здѣсь послѣднимъ, поведетъ къ разоренiю.

Но эта ставка для многих — и число их все увеличивается и не может не увеличиваться — уже проиграна. После Ницше и впечатлѣнія, имъ произведеннаго, послѣ духовныхъ движеній, начавшихся за послѣднее время, трудно уже ждать, что все обойдетъ благополучно. Для Россіи это еще маскируется напряженностью политической борьбы, требующей чисто религіознаго энтузіазма и подъема, но положеніе дѣла рѣзко измѣнится, какъ только мы вступимъ въ полосу болѣе обезпеченнаго быта. Въ комъ возбуждается пафосъ и энтузіазмъ, кого извѣчиваетъ отъ боли и муки душевной, кд. партія? А это есть типичный образецъ чисто политической партіи, каковыя будутъ у насъ впоследствии. Таковъ кризисъ индивидуализма, который переживаетъ теперешнее челоѣчество.

Есть ли выходъ изъ этого кризиса, его духовное преодоленіе? Спасется ли челоѣчество отъ этого ада одиночества, хотя бы и постигающаго въ миллионномъ городѣ или въ царствѣ экономическаго социализма?

Каждый отвѣчаетъ на вопросъ по вѣрѣ своей, но въ спорѣ, намъ кажется, стоитъ, что индивидуализмъ этотъ можетъ быть побѣжденъ не матеріальной, но духовной силой, не извнѣ, но изнутри, *религіозно*.

Только общая любовь, общая религія, т. е. церковь можетъ спасти и объединить челоѣчество, только здѣсь дается тотъ синтезъ личнаго и соборнаго начала, котораго ищетъ исторія. Не уничтожая своего духовнаго я, напротивъ, утверждая его въ томъ, что есть въ немъ самаго высшаго, а, слѣдовательно, и самаго индивидуальнаго, челоѣкъ именно въ этомъ утвержденіи соединяется съ другими людьми, обрѣтая, наконецъ, истинную, т. е. внутреннюю и вмѣстѣ свободную соборность, соборность общей любви, а не партійной муштры. Религія, — religio, связь, — объединяетъ и сплавляетъ людей отъ уединенія, отъ индивидуализма, но связь эта не существуетъ безъ связываемаго, т. е. безъ церкви, и въ этомъ смыслѣ говорить о религіи значитъ говорить и о церкви, это одно и то же.

Здѣсь нужно различать религію и религіозность, которыя часто смѣшиваются между собою. Уединившіеся челоѣкъ, не находящій выхода изъ своего индивидуализма, можетъ имѣть чувства, которыя онъ опредѣляетъ какъ религіозныя, но они суть только его личные переживанія, можетъ быть, прочнѣе всего отгораживающія его отъ людей: ни въ чемъ его одиночество такъ больно не почувствуется, какъ въ этомъ. Притомъ одно изъ двухъ: или и самъ этотъ челоѣкъ относится несерьезно къ своимъ религіознымъ переживаніямъ, видя въ нихъ только музыку души, случайныя и прехдущія настроенія, или же онъ придаетъ имъ объективное значеніе, ставитъ ихъ въ связь съ объективнымъ Божественнымъ бытіемъ, и тогда онъ неизбежно будетъ стремиться

стать въ соприкосновеніе въ этомъ чувствѣ и съ другими людьми, искать соборности, церковнаго общенія. Вотъ почему для меня нѣтъ большого недорозумѣнія, какъ проповѣдь этого религіознаго уединенія, религіознаго индивидуализма (что есть прямо *contradictio in adiecto*), а въ настоящее время все чаще и чаще приходится встрѣчаться съ такими заявленіями (напр. ихъ дѣлаютъ П. Б. Струве и С. Л. Франкъ). И это типичное недорозумѣніе нашего времени слышится въ словахъ Вѣтрова, когда онъ говоритъ: „религіозный челоѣкъ можетъ быть только индивидуалистомъ“. Мы выставляемъ какъ разъ обратное положеніе: религіозный челоѣкъ уже не можетъ быть индивидуалистомъ, въ своей вѣрѣ, раздѣляемой другими, онъ уже соборенъ, онъ въ церкви.

Я понимаю то историческое недорозумѣніе, которое застилаетъ глаза Вѣтрову и мн. др., это представленіе о томъ, что называется церковью на бытовомъ языкѣ и съ чѣмъ соединяются представленія о злоупотребленіяхъ, вообще нецерковныхъ, даже антицерковныхъ чертахъ исторической церкви. Бытъ, ритуалъ, формы безъ живаго духа, безъ полноты жизни церковной, конечно, не могутъ утолить боль современной души, насытить современное алканіе. Мы идемъ въ каменистой пустынѣ, израненные и усталые, ища Обѣтованной Земли, и, можетъ быть, нашему поколѣвію, также какъ и поколѣвію Моисея, самымъ не суждено ее видѣть. Но мы знаемъ, что она есть, мы знаемъ, въ какомъ направленіи лежитъ она, гдѣ искать ту полноту жизни, которая охватитъ собой все, и общественность, и души, и чувства.

Что же можетъ дать намъ въ нашей религіозной жаждѣ Л. Н. Толстой, отношеніе къ которому хочетъ опредѣлить Вѣтровъ?

Но объ этомъ до слѣдующаго раза.

С. Булгановъ.